

Сказки братьев Гримм.

Гусятница у колодца

Жила-была старушка престарая, предряхлая; жила она со своим стадом гусей в глуши между горами, и был у нее небольшой домик. Эта глушь была окружена большим лесом, и старуха каждое утро, взяв свою клюку, тащилась в этот лес, там она собирала травку для своих гусей да разные дикорастущие плоды, насколько могла их достать рукою, и все это тащила домой на спине.

Можно было подумать, что тяжелая ноша пригнет ее к земле, а между тем она всегда благополучно доносила ее до дому.

И если ей, бывало, кто-нибудь повстречается, то она ласково поклонится и скажет: «День добрый, землячок; погодка-то сегодня какова! Небось дивишься, что я травку на себе тащу? Что делать, каждый должен себе по силам ношу выбирать».

И несмотря на всю эту приветливость, никто не любил с нею встречаться, и даже нарочно обходили ее, чтобы не сойтись с нею, а когда мимо ее случалось проходить отцу с сынком, отец говаривал сынку: «Берегись старухи – это ведьма».

Однажды утром красивый юноша проходил через тот лес. Ярко светило солнце, птицы пели, прохладный ветерок шелестел в листве; и на сердце у юноши были только радость да довольство. Ему еще никто не попадался навстречу, как вдруг он увидел

старую ведьму, которая стояла, опустившись на колени, и срезала траву серпом. Большой узел травы уже был у нее навязан на спине, да еще рядом стояли две корзинки, полнехоньки дикими грушами и яблоками.

«Да как же это, тетушка, скажи пожалуйста, – спросил у нее юноша, – как же можешь ты все это стащить?» – «Хочешь не хочешь, а тащить должна, господин честной! – отвечала старуха. – Богатым, конечно, это не нужно. А у мужика, знаете ли, есть такое присловье:

Жить хочешь – не зевай,
Знай спину подставляй!

А вот, может быть, вы не захотите ли мне помочь? – добавила старуха, видя, что юноша от нее не отходит. – И спина-то у вас пряменькая, и ножки резвенькие, так вам это и нетрудно будет. К тому же и дом-то отсюда не далеко – за горою на полянке. Вы бы в один прыжок там очутиться могли».

Юноша почувствовал сострадание к старухе. «Хоть отец мой и не мужик, а богатый граф, но я готов снести ваш узел, чтобы показать, что не одни мужики умеют таскать тяжести». – «Попробуйте, – сказала старуха, – очень вы этим меня обяжете. Оно, конечно, придется вам с часочек пути брести, ну, да это для вас сущие пустячки! Кстати уж, и яблоки, и груши захватите с собою».

Молодому графу показалось страшновато, когда он подумал об этом часочке пути, но старуха уже не выпускала его из рук, взвалила ему узел на спину, а корзины повесила ему на руки...

«Видите, совсем не тяжело?» – сказала она. «Нет, очень тяжело! – отвечал граф, и на лице его изобразилось страдание. – Твой узел давит так, как будто в нем камни наложены, а эти яблоки и груши – словно свинцовые... Я еле двигаться могу!»

Он готов был все с себя сбросить, но старуха этого не допустила. «Смотрите-ка, – сказала она насмешливо, – молодой-то господин того снести не может, что я, старая баба, столько раз на себе таскала. Вот на ласковые-то слова вы все горазды, а как дойдет до дела, так все и на попятный... Ну, что же вы

стали? – продолжала она. – Чего вы медлите? Извольте-ка шагать. Узла с вас никто уж теперь не снимет».

Пока он шел по ровному месту, то это еще было сносно; но когда они пришли к горе и должны были подниматься, и камни, словно живые, катились из-под его ног, тогда это уж было свыше сил его. Капли пота выступали у него на лбу и, то горячие, то холодные, катились по его спине.

«Тетушка, – сказал он, – не могу я дальше идти, я должен немного отдохнуть». – «Нет, – отвечала старуха, – когда дойдешь до места, тогда и отдыхай, а теперь изволь идти вперед. Кто знает, на что это вам может пригодиться». – «Старуха! Совести у тебя нет», – сказал граф и хотел сбросить с себя узел, но все усилия его были напрасны: узел так крепко держался на его спине, словно прирос. Как ни вертелся он, как ни крутился, но никак не мог его с себя сбросить.

А старуха-то над ним смеялась и попрыгивала вокруг него на своей клюке. «Не извольте гневаться, любезный господин, – говорила она, – ведь вы вот покраснели в лице, как рак печеный! Извольте-ка нести вашу ношу с терпением; ну, а когда придем домой, так я не поскуплюсь дать вам на чаек». Что оставалось ему делать? Он должен был примириться со своей судьбой и терпеливо тащиться вслед за старухой. Она, по-видимому, становилась все проворнее да проворнее, а его тяжесть становилась все тяжелее.

И вдруг старуха приостановилась, вспрыгнула наверх узла и преспокойно там уселась; и несмотря на то, что она была суха, как хворостина, а оказалась тяжелее всякой толстой деревенской девки. Колени у юноши задрожали, он стал приостанавливаться, а старуха давай его хлестать то прутом, то крапивой по ногам. С непрерывающимся оханьем поднялся он на гору и, наконец, добрал до дома старухи как раз в то время, когда уже готов был упасть.

Когда гуси завидели старуху, они стали взмахивать крыльями и вытягивать вперед шеи, и бежали к ней навстречу с веселым гоготаньем. Позади стада с хворостиной в руках шагала какая-то пожилая и неуклюжая баба, высокая и здоровенная, но безобразная, как ночь.

«Матушка, – обратилась она к старухе, – разве что с вами случилось, что вы так запоздали?» – «Ничуть не бывало, доченька, – возразила ей старуха, – со мною ничего дурного не случилось; напротив, вот этот милый господин взялся даже тащить на себе мою ношу; мало того, когда я устала, он еще и меня взвалил себе на спину. Притом же и дорога ничуть нам не показалась длинной, всю дорогу мы смеялись и шутили».

Наконец, старуха сползла у него со спины, взяла и узел свой, и корзины, посмотрела на него весьма дружелюбно и сказала: «Вот теперь присядьте здесь на скамейку у дверей и отдохните. Вы честно заработали награду за свой труд, и вы ее получите».

Потом обратилась к гусятнице и сказала: «Войди-ка в дом, доченька; неприлично тебе здесь одной оставаться с молодым господином. Не надо масла подливать в огонь... Пожалуй, еще влюбится в тебя».

Граф и сам не знал, что ему делать – плакать или смеяться? «Вот сокровище-то, – подумал он, – да будь она даже и на тридцать лет моложе, она бы не могла тронуть моего сердца». Между тем, старуха ласкала и гладила своих гусей, как милых деток, и затем вошла в дом со своею дочерью; а юноша растянулся на скамье под дикой яблоней.

В воздухе было тепло и приятно; кругом простиралась зеленая широкая лужайка, усеянная синими и желтыми цветами, а посреди лужайки бежал светлый ручей, сверкая на солнце; и белые гуси двигались тут же взад и вперед либо полоскались в воде.

«Тут очень мило, – сказал граф, – но только я так устал, что глаз разомкнуть не могу: дай-ка я посплю немного. Лишь бы только не поднялся ветер и не унес бы мои ноги – они у меня словно ватные...»

Поспав немного, он был разбужен старухой. «Вставай, – сказала она ему, – ты здесь не можешь оставаться. Правда, тебе от меня таки солоно пришлось, но все же ты жив остался... Теперь хочу тебе отдать награду: ведь в деньгах и во всяком добре ты не нуждаешься, так вот тебе нечто иное. – И сунула ему в руку кружечку, целиком вырезанную из изумруда. – Храни это бережно, – добавила она, – в этом твое счастье».

Граф вскочил на ноги, чувствуя себя опять и сильным, и бодрым,

поблагодарил старуху за ее подарок и пустился в путь-дорогу, даже и не подумав оглянуться на дочку старухи.

Уж он порядочный кусок пути прошел, а все еще издали доносился до него веселый крик гусей.

Граф три дня блуждал по этой глуши, прежде чем из нее выбрался. Затем пришел он в большой город, и так как никто его не знал там, то он и был приведен в королевский замок, в зал, где король и королева сидели на троне.

Граф опустился на колени, вынул изумрудный сосуд, подаренный ему старухой, и положил его к ногам королевы. Та приказала ему встать и подать себе эту драгоценную безделушку. Но едва только она открыла этот сосуд и в него заглянула, как упала на землю замертво.

Графа схватили королевские слуги и собирались вести в темницу; но королева открыла глаза и приказала его освободить. «Все выйдите отсюда вон, — сказала она, — я должна с ним переговорить наедине».

Оставшись наедине с графом, королева стала горько плакать и сказала: «Что мне блеск и почести, меня окружающие, когда я каждое утро пробуждаюсь с печалью и заботами! Три было у меня дочери, и младшая из них была так прекрасна, что весь свет почитал ее за чудо. Бела, как снег, румяна, как зорька, и волосы ее блистали, как лучи солнца. Когда она плакала, из глаз ее не слезы капали, а жемчуг выкатывался и драгоценные камни».

Когда ей минуло пятнадцать лет, король призвал всех трех сестер к своему трону. И посмотрели бы вы, как все были поражены, когда вошла моя младшая дочь — словно солнышко на небо выкатилось!

Король же сказал им трем: «Дочери милые! Не знаю я, когда настанет мой последний час, но я хочу сегодня же определить, что каждая из вас должна будет получить по смерти моей. Знаю, что все вы меня любите; но которая из вас более любит — той и достанется лучшая доля. — И потом добавил: — Не можете ли вы мне выразить словами, насколько каждая из вас меня любит? По вашим речам я ознакомлюсь и с тем, что вы думаете».

Тогда старшая сказала: «Люблю отца моего так же, как

сладчайший сахар».

Другая сказала: «Люблю отца, как самое лучшее из моих платьев».

А младшая молчала.

Отец и спросил ее: «Ну, а ты, любимое мое дитяtko, ты как меня любишь?» – «И сама не знаю, – отвечала она, – и даже не могу ни с чем сравнить свою любовь».

Но отец настаивал, чтобы она выразилась определеннее.

Тогда она сказала наконец: «И самое лучшее блюдо мне без соли не вкусно – вот и отца я тоже люблю, как соль!»

Услышав это, король пришел в ярость и сказал: «Если ты любишь меня настолько лишь, насколько любишь соль, так и за любовь твою я награжу тебя одною солью».

И разделил королевство пополам между двумя старшими дочерьми, а младшей приказал навязать на спину мешок с солью, и двое слуг должны были вывести ее в дремучий лес.

Мы все за нее просили и молили, – сказала королева, – но гнев короля нельзя было ничем смягчить. Как она, бедняжка, плакала, когда должна была покинуть дом! Вся дорога ее была усеяна тем жемчугом, который у ней из глаз выкатился.

Вскоре после того король раскаялся в своем жестокосердии, приказал разыскивать свою дочь во всем лесу; но никто не мог ее найти.

Как я подумую, что ее, может быть, растерзали дикие звери, то не знаю, куда деваться от печали; иногда, впрочем, я утешала себя надеждой, что она еще жива и укрылась где-нибудь в пещере или нашла себе приют у сострадательных людей.

Но представьте себе, что, когда я вскрыла ваш изумрудный сосудец, в нем я увидела жемчужину, такую же точно, какие вместо слез падали из глаз моей дочери, и потому вы можете себе вообразить, как сжалось при этом мое сердце! Скажите, как эта жемчужина попала в ваши руки?

Граф рассказал королеве, что сосудец он получил от старухи в лесу, которая показалась ему ведьмой; но младшей королевны ему не приходилось видеть, и ничего о ней он не слышал.

Король и королева решились тогда посетить старуху; они предполагали, что там, где оказалась жемчужина, они должны

будут получить сведения и о своей дочери.

Старуха сидела в своей глуши за прялкой и пряла. Становилось уже темно, и лучина, горевшая у очага, проливала свет очень скупно. Вдруг послышались крики гусей, возвращавшихся с пастбища, и вскоре в избу старухи вошла и ее дочка. Старуха почти не обратила на нее внимания и едва кивнула головой в ее сторону.

Присела дочь на лавку, взяла свою прялку и так проворно стала сучить свою нитку, словно молоденькая девушка. Так сидели мать с дочкою дома, не говоря ни слова.

Наконец, что-то зашуршало за окном, и два огненных глаза глянули в избу. То была старая ночная сова, которая трижды крикнула: «Угу!» – и исчезла. Старуха только повела глазами вверх, потом проговорила: «Пора тебе дочка, выйти... Ступай на свою работу».

Та поднялась и вышла, и пошла по лугам далее и далее в самую долину. Наконец подошла она к колодцу, у которого росли три старых дуба. Между тем месяц поднялся из-за горы, большой и круглый, и было так светло, что иголку на земле сыскать было нетрудно.

Она скинула кожу, прикрывавшую ее лицо, нагнулась к колодцу и стала из него умываться. Умывшись, она и кожу с лица окунула в воду и потом разложила ее на лугу, чтобы она опять могла высохнуть и побелеть при лунном свете.

Но как же она изменилась! Надивиться на нее было невозможно! Как скинула с головы беспорядочную копну накладных волос, пряди ее собственных золотистых волос, блиставших, как солнечные лучи, рассыпались и покрыли ее всю, словно плащом. Только очи ее, что звездочки, мерцали из-под этого покроя волос, да щечки горели ярким румянцем. Но красавица была печальна. Присела она у колодца и стала плакать: одна слеза за другою выкатывались из глаз ее и среди золотистых прядей падали на землю. Так сидела она и, вероятно, еще долго так просидела бы, если бы не слышала шороха и треска в ветвях ближайшего дерева.

Она вскочила тотчас, как серна, слышав выстрел охотника. Месяц как раз в это время затянуло черным облаком, и в то же

мгновенье красавица снова скользнула в свою старую кожу и исчезла бесследно.

Дрожа, как осиновый лист, побежала она обратно к дому. Старуха стояла на пороге, и когда девушка хотела ей рассказать о случившемся, та только ласково посмеялась и сказала: «Я уже все знаю».

Повела она девушку в избу и вставила новую лучину в светец. Но уже не села за свою самопрялку, а вытащила метлу и стала подметать и убирать. «Все должно быть здесь чисто и опрятно», – сказала старуха девушке. «Но зачем же вы, матушка, вздумали убираться в такое позднее время? – спросила девушка. – Что у вас на уме?» – «А знаешь ли ты, какой час наступает?» – спросила старуха. «Да еще полночи нет; но уже близко...» – «А ты о том не вспомнила, что три года тому назад в этот самый день ты ко мне пришла? Теперь твое время минуло, и ты не можешь долее у меня оставаться».

Девушка перепугалась и сказала: «Ах, милая матушка, неужели вы меня хотите отвергнуть? Куда же я денусь? У меня ни друзей, ни родни; куда я голову приклоню? Я все то исполнила, что вы от меня требовали, и вы всегда были мною довольны, не отвергайте меня».

Старуха не хотела высказать девушке, что ее ожидает, и только проговорила: «Мне тут недолго быть; и как я отсюда уберусь, все в доме должно быть чисто, а потому не удерживай меня в моей работе. А о своей судьбе не заботься: ты найдешь себе кров для житья, и при той награде, которую от меня получишь, ты будешь довольна своей судьбой». – «Да скажите же мне, чего я должна ожидать?» – продолжала допрашивать девушка. «Еще раз говорю тебе; не мешай мне в работе. Ни слова больше! Ступай в свою комнату, сними кожу с лица, надень то шелковое платье, которое было на тебе, как ты ко мне пришла, и жди в своей комнате, пока я тебя не кликну».

Но вернемся к королю и королеве, которые пустились в дорогу вместе с графом, чтобы разыскать старуху в ее далекой глуши.

Граф ночью от них отстал и должен был далее следовать один. На другой день ему показалось, что он попал на настоящую дорогу. Он и пошел далее, и шел до наступления темноты, а как совсем

стемнело, залез на дерево и там задумал переночевать, опасаясь заблудиться в темноте.

Когда взошел месяц, он увидел женскую фигуру, медленно спускавшуюся с горы. Хотя у ней не было хворостины в руках, однако же он легко признал в этой женщине ту гусятницу, которую уже ранее видел у дома старухи.

«Ого! – воскликнул он. – Вон она и сама идет! Ну, коли одна ведьма у меня в руках, так и другая от меня не уйдет!» Но как же он изумился, когда она подошла к колодцу, скинула с себя кожу и стала мыться, когда рассыпались по плечам ее золотистые волосы и она предстала ему такой невиданной красавицей!

Он едва осмеливался переводить дыхание, но все же старался рассмотреть ее из-за листвы дерева как можно лучше. И он сам не знал – потому ли, что он чересчур перегнулся, или по другой причине, но только под ним вдруг хрустнула ветка, и в ту же минуту девушка скользнула в свою кожу, легче серны сорвалась со своего места, и так как в это время месяц заволокло тучами, то мигом скрылась с глаз.

Едва она исчезла, как граф уже спустился с дерева и поспешил ей вслед.

Немного пройдя, он в темноте увидел, что по лугу бредут две другие человеческие фигуры. То были король и королева, они издали увидели, как мерцал огонек в избушке старухи, и шли на этот свет.

Граф рассказал им, какую девушку видел у колодца, и они нимало не сомневались в том, что то была их пропавшая дочь. С радостным чувством пошли они далее и вскоре пришли к избушке: кругом ее сидели гуси рядами, подвернув головы под крылья, и спали, и ни один из них не шевельнулся.

Заглянули они в окошечко и видят: сидит старуха за самопрялкой и Прядет, покачивая головой и не оборачиваясь. Дочери же своей они там не увидели. Наконец, они решились тихонько постучаться в окошечко. Старуха как будто их поджидала; встала со своего места и весьма приветливо крикнула: «Входите, входите, я уж о вас знаю».

Когда они вошли в комнату, старуха сказала: «Вы бы могли себя избавить от дальнего пути, кабы три года тому назад не

прогнали из дома свое дитя, доброе и любящее. Ей никакого зла не приключилось: ей пришлось только три года сряду гусей пасти; ничему дурному она за это время не научилась и сохранила свое сердце в чистоте. А вы сами уже достаточно наказаны тем страхом за ваше детище, который вы пережили».

Потом она подошла к двери смежной комнаты и крикнула: «Выходи, доченька!»

Дверь отворилась, и королева вышла оттуда в своей шелковой одежде, с рассыпанными по плечам золотистыми волосами и ясными очами – словно ангел слетел с неба. Она подошла к отцу и матери, бросилась им на шею и поцеловала их, и все расплакались от радости. Молодой граф стоял с ними рядом, и когда королева его увидела, то, сама не зная почему, зарделась, как роза.

Король сказал дочери: «Милое дитя мое, свое королевство я разделил; что могу я тебе дать?» – «Ей ничего не нужно, – сказала старуха, – я даю ей те слезы, которые она из-за вас выплакала – чистый жемчуг, даже еще лучше того, что в море находят! На этот жемчуг все ваше королевство купить можно! А в награду за ее службу я дарю ей мой домишко!»

Сказав это, старуха исчезла, а в стенах раздался треск, и когда король с королевой и с графом оглянулись, то увидели, что избушка успела превратиться в великолепный дворец, в котором слуги, суетясь и бегая, накрывали и готовили королевское пиршество...

Сказка на том не кончается; но у моей бабушки, которая мне ту сказку рассказывала, память слабеть стала, она все остальное и забыла.

Я все же думаю, что прекрасная королева вышла замуж за графа, что они вместе остались в замке и жили в полном счастье, пока Богу было угодно.

Были ли те белоснежные гуси, что паслись у домика, девушками (это я говорю никому не в обиду!), которых старуха к себе приняла, и получили ли они вновь свой человеческий образ, остались ли у молодой королевы в служанках – того доподлинно я не знаю, однако же так предполагаю.

Несомненно только то, что старуха была не ведьма, как думали

люди, а ведунья. И наверно, она уже при рождении даровала королевне способность ронять из глаз не слезы, а жемчужины. Нынче этого не бывает, а то бедные скорехонько разбогатели бы.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **3,00** из 5)

Загрузка...